

Живет в Донецке (Украина).

От Щелкинской АЭС пешком

Дорога. Ритм шагов. И больше ничего.
Я – Моисей, храни меня, мой посох,
Я – Лев Толстой с забытым вещмешком,
Бреду от Щелкинской АЭС пешком
И сею мысли в раскаленный воздух.

В них мало своего, но соль времен
Сочится в ранках губ, сыгравших с ветром
В рулетку русскую, мой дом ушел под слом,
Он был мне дорог, но с народом не везло,
Мне Бог скрижалит в каждом километре,

Я к Декалогу глух, я глуп, идти,
Борясь с собой и страхом в каждом жесте, –
Мираж мой смысла, степь кривляется и лжет,
Я – сталкер, с исправительных работ
В чистилище спешащий в зной к фиесте,

А там застолье, шумный рокот лиц,
И феньками сплетенных жменька судеб
Детей подполья, выползших на свет
Коньячных бликов, крепких взрослых сигарет,
Случайных правд и пышных словоблудий.

Но я брежу и мерю шаг босой
Заветом Новым, под ногами чуя бисер,
Разбросанный две тыщи лет назад,
И тенью абрис мой израильский распят,
Пятнадцатым став свитком савлских писем.

* * *

Время вышло, сбросив перчатки, палата пуста,
Твое место вон там, под вязом, в тени креста,
И, пожалуйста, без эксцессов, пар изо рта
Симулировать бесполезно, ты же мужик,

Вот и стой босой, бледнолицый, как новый Адам,
Айя-Софья, Кельнский собор, Хурва, аль-Харам,
Подытожим – маяк, путь народам и городам
Указующий, пока твой усопший двойник

Архитекторы в землю зароят здешних могил,
Колыбельную снулому телу споет Азраил,
И родня шумной стайкой бодрых горных горилл,
Выждав пару минут, на воскресный укатит пикник.

А фантомное сердце стучит «я живой, я живой»,
Словно Мертвое море грохочет волна за волной,
Воду мертвую чувствуешь ребрами, кистью, стопой,
В этой точке пространства ты сам себе равновелик.

Ты безрадостно в полоеходишь большое ничто,
Словно конь пресловутый в небезызвестном пальто,
И теряешься в нем между «кто-либо» и «никто»,
Как во чреве столовых бумаг расписной черновик.

Душу выплакав и в самолетик белый сложив,
Отправляешь ее в кучевые небес чертежи,
И в остатке сухом – боль вне тела и вне души
И пристрастие к парности линий красных гвоздик.

* * *

Из важного, пожалуй, только сны,
Бесплатная площадка синефильства,
Глазам открытым не хватает тьмы,
Зима бела, а в ней белы и мы,
И, спрятавшись за занавес чернильный,
Мы наблюдаем слякоть бытия

И слушаем, как чавкает земля,
Ощупываем тело января
Так, будто в морге стылый труп вскрываем,
Не ждем весны, но хнычем по теплу,
Снег говорит «я завтра же умру»,
Житье ему вообще не по нутру,
А тут как будто есть достойный повод,
Страна болит, бомж на углу бубнит,
Что нет прочней могилы, чем гранит
Бесчеловечности, бессовестности, бес...
Нас крутит и подножки подставляет,
И время поворачивает вспять,
Чтобы тебя, меня, нас всех обнять,
Но мысль о плюс шестнадцати и старше,
Снежинки на плацу в прощальном марше –
Все намекает: пленочке конец,
Прощай, январь-мертвец и снег-юнец,
Пора вставать и греться черным чаем,
С лица зимы сырую воду пить.

